

[Главная](#) > Николя Бюри: «В каждом монстре скрывается ребенок»

Николя Бюри: «В каждом монстре скрывается ребенок» | Nicolas Buri: "Dans chaque monstre un enfant se cache"

Автор: Надежда Сикорская, Женева-Москва, 26. 11. 2014.

Писатель Николя Бюри

Сегодня писатель из Женевы представляет свой роман о Жане Кальвине на 16-й Международной [ярмарке](#) интеллектуальной литературы в Москве.

Aujourd'hui l'auteur genevois présente son roman « Pierre de scandale » à la 16ème foire de la littérature intellectuelle de Moscou.

В 2009 году, когда отмечалось 500-летие со дня рождения французского богослова и реформатора церкви, имя которого неразрывно связано с Женевой, Наша Газета.ch много писала о Жане Кальвине. И вот теперь у нас есть повод вернуться к этой неоднозначной личности, романтизированная биография которой только что вышла на русском языке. Возможно, кто-то из наших московских читателей сможет принять участие во встрече с Николя Бюри, а для всех остальных мы заблаговременно побеседовали с ним, пригласив в нашу редакцию.

Наша Газета.ch: Николя, что подтолкнуло Вас обратиться к теме Кальвина?

Николя Бюри: Я родился и вырос в Женеве и, прогуливаясь по парку Бастионов, около Женевского университета, не мог не обращать внимания на памятник Кальвина. В этом персонаже меня всегда привлекала его полярность. Когда я еще учился в университете, то студенты, находившие Женеву холодной, лишенной развлечений, света, активной жизни, называли наш город Кальвинградом – думаю, коннотация Вам понятна. То есть, с одной стороны был Кальвин – душитель свободы, страшный гад и так далее, а с другой – освободитель, стоящий у основ важного религиозного течения. Как известно, Кальвин утверждал, что человек грешен с рождения и на протяжении всей жизни. Это врожденное чувство вины не может не заставить человека задаться вопросом, а в чем, собственно, его вина. А значит, побуждает к ретроспекции, к самопознанию. Если вы выросли в этой традиции, то это становится частью вашего ДНК и вашей культуры.

Когда Вы говорите «Кальвин-освободитель», то что Вы имеете в виду? Освободитель от кого? Как это оценивается сегодня?

Тут есть несколько моментов. Во-первых, освободитель экономический, создатель экономического благоденствия Женевы. Среди основных ценностей протестантизма – труд и дисциплина, причем не только сегодня, но и исторически. Ведь Женева построена беженцами, подвергавшимися гонениям в своих родных странах и пришедших сюда в поисках приюта. В этом истоки женевского космополитизма, который отразился и на экономике, превратив город в платформу для международных обменов, в том числе, финансовых. Постулат «мы имеем то, что заработали» я считаю положительным.

Кальвин - реальный исторический персонаж, и писать его романтизированную биографию Вы взялись в городе, где, наверное, о нем знают больше, чем где бы то ни было в мире. Ограничивало ли это свободу Ваших действий как автора? Каков был Ваш рабочий процесс? Были ли Вы готовы к критике как со стороны почитателей Кальвина, так и со стороны противников его идей?

Действительно, я был готов к критике с обеих сторон – это неизбежно, учитывая полярность персонажа, которую я уже упоминал ранее. Во Франции, например, протестантизм считается религией побежденных, а Кальвин – революционером, освободителем. Здесь же, в Женеве, где это религия победителей, он считается угнетателем.

Работая над романом, я обращался к разнообразным источникам. Прежде всего, конечно, к биографиям, написанным современными авторами, но и к многочисленным историческим документам. Меня интересовали газеты той эпохи, воспоминания и дневники современников

Кальвина, ведь у них, как и у него, - фрагментарное видение исторического момента, свидетелями которого они стали. И эти невольные «дыры» в его понимании и делают интересными персонажи.

Кальвин, еще при жизни вошедший в историю, интересен мне, как пример уникального человеческого опыта, и именно это мне хотелось отразить в романе – в более широком историческом и религиозном контексте.

У меня, иностранки, не выросшей в Женеве и до приезда сюда имевшей довольно поверхностное представление о Кальвине, отношение к Вашему герою менялось по мере «продвижения» по роману. Изначальное сочувствие к мальчику, рано потерявшему мать и живущему с очень суровым отцом, сменяется отвращением к фанатичному монстру, в которого он превращается. Поэтому мне все же интересно понять, что привлекло к нему Вас: восхищение, отвращение или дуализм персонажа?

Наверно, все же дуализм. Характер Кальвина формируется в бедствиях, в преодолениях превратностей судьбы. Чем больше у него появляется врагов, тем дальше ужесточается его доктрина. И параллельно происходит его восхождение к власти – он становится законодателем общественного мнения, человеком, к мнению которого все прислушиваются, основателем многих общественных институтов. В романе это, мне кажется, отражено благодаря рассказу от первого лица и наличию исторических, но анонимных групп, которые оказали влияние на персонаж. Определенный исторический контекст превратил Женеву в крепость, а Кальвина – в одержимого своей доктриной человека, одинокого, сурового, ставшего крепостью в человеческом обличье. Если свести все в одну фразу, меня интересовала сложность Зла.

В начале книги Кальвин потрясен сожжением еретиков на Гревской площади, а в конце сам дает приказ о сожжении Мишеля Сервета.

Вот именно – это и есть развитие персонажа, «вмещенное» в одно предложение. И вопрос, интересовавший меня больше всего, заключается в том, какой же человеческий опыт и исторические обстоятельства приводит к такому развитию.

В романе досталось и католикам, тоже симпатий не вызывающим - принести в город чуму ради уничтожения идеологического противника, это круто. Собственно, это подводит нас ко дню сегодняшнему, когда во имя религии - разных религий - совершаются страшные преступления. Думали ли Вы об этих параллелях? И о месте религии в обществе?

Одна из главных идей книги заключается в том, что когда существуют основополагающий религиозный текст – будь то Библия, Тора или Коран, существуют и люди, считающие, что этот текст применим ко всем областям жизни. Одновременно с этим всегда существовали и существуют люди, подвергавшие священные тексты интерпретации. Сегодня мы наблюдаем в разных религиях нарастание фундаментализма, а с ним – утверждений о неотделимости текстов от жизни. История религий состоит из сближений и отдалений общества от священных текстов. По мере прохождения своего жизненного пути Кальвин все больше приходит к мысли, что Евангелие и Старый завет могут быть применимы ко всем сторонам жизни гражданина Женевы и не только.

Мы видим сегодня, как к такому же неукоснительному следованию предписаниям, собранных в этих текстах, призывают различные протестантские секты, особенно находящиеся в США. Это

невероятно, но это факт!

На фоне призывов Кальвина к скромности и воздержанию от любых излишеств, мы не можем не обратить внимания на определенную долю лицемерия. В Вашей книге детально описан список материальных благ - от дома до собольей шубы, которые он потребовал от женеvских властей в обмен на свое возвращение в город, откуда его ранее изгнали. Он откровенно торгуется и говорит: «Я дорого стою».

Как известно, один из основных постулатов протестантизма - вера в предопределение, в предварительную заданность жизни человека, его спасения или осуждения в вечности волей Бога. Следуя этой логике, рождение человека в бедности или богатстве также предопределено Богом. А потому защита наследия, включая капитал, рассматривается как защита дара, данного Богом.

И поменять это положение невозможно? У бедняка нет иного пути, как умереть бедняком?

А вот и нет. Одной из целей созданного Кальвином в Женеве 1559 Коллежа (который существует до сих пор - сегодня это средняя общеобразовательная школа Женевского кантона) и было способствование самосовершенствованию учеников, а вместе с этим - росту их благосостояния. Вообще, достаток и благосостояние «записаны» в ДНК протестантов.

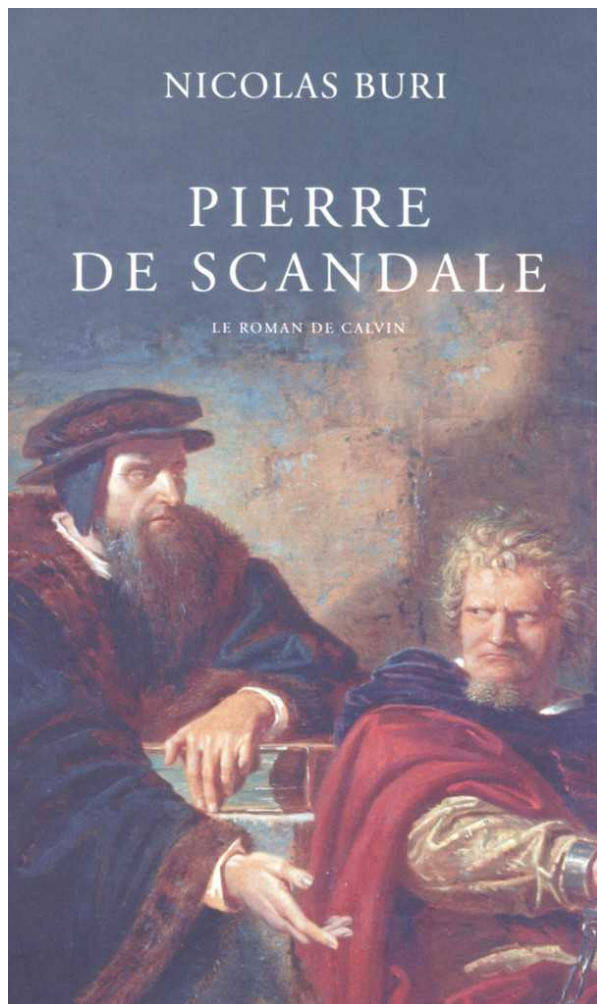
Но это значит, что при всей суровости ничто человеческое Кальвину было все же не чуждо?

Безусловно! И знаете, существует множество домыслов на его счет, но соболья шуба действительно значилась в списке его требований - я видел этот список в официальной биографии Кальвина.

В Вашей книге много интересных деталей, позволяющих лучше представить себе быт Женевы 16 века. В частности, встречается несколько описаний меню, которые мало отличаются от сегодняшних: все тоже местное белое вино шассла, все та же féra - форель из Женевского озера. Где Вы это отыскиали? Или это вымысел?

Нет, существуют книги времен Кальвина с описаниями застолий. А поскольку я сам люблю поесть, эти подробности меня интересовали, они меня трогают - как детали человеческого опыта, наравне со смрадным запахом в городе.

Кстати о смрадном запахе. Сегодня, когда Женева лидирует в многочисленных рейтингах по качеству жизни, чистоте, экологической обстановке и так далее, трудно представить ее себе такой, какой она предстает на страницах Вашего романа - со скидкой на 16 век, конечно. Грязная, вонючая, со стекающими из города к берегам озера испражнениями - канализации тогда еще не было, и нынешний Женевский пляж использовался горожанами как огромный общественный туалет под открытым небом. Отвратительная картина, одним словом.

И эта чистая правда – все это описано в книге английского путешественника, посетившего Женеvu лет за 30 до Кальвина. Проехавшись по всей Европе, он отметил Женеvu и Лиссабон как два самых грязных города. Кроме того, до появления Кальвина в Женеве творилось Бог знает что – все напивались, объедались, развлекались по полной программе...

И одним из первых решений Кальвина был приказ о высылке из города всех проституток вместе с их детьми – хотя прекрасно было известно, что отцами их часто были видные и уважаемые граждане. Удивительно, что совсем недавно Федеральный совет принял решение об упразднении особого статуса для стриптизерш, не имеющих европейской «прописки». То есть проблематика все та же!

Да! И именно эти параллели с современностью сделали для меня работу над романом такой интересной. Ведь ничего не изменилось: по-прежнему в Женеве существуют, с одной стороны, степенные буржуазные очень богатые семьи, а с другой – дух либерализма, часто привносимый извне, но не только.

Если уж мы заговорили о параллелях с современностью, то нельзя не упомянуть проблему иммиграции, дебаты вокруг которой мало отличаются от тех, что велись в эпоху Кальвина: принимать иммигрантов или нет? Если да, то на каких условиях? Только ли богатых, и каким налогом их облагать? Коренным женеvцам – современникам Кальвина вовсе не хотелось открывать двери шотландцам, голландцам и прочим последователям Кальвина, стекавшимся к городским воротам.

Совершенно верно, и это просто поразительно! Но в то же время нельзя рассматривать эти ситуации с одной и той же точки зрения. Беженцы-протестанты, приезжавшие в Женеву, были

на руку Кальвина, так как укрепляли его власть. Чем больше их становилось, тем прочнее было его положение. Как он сам говорил, эти люди были его самой надежной крепостью. Так что его поведение не объясняется только толерантностью и любовью к ближнему, как часто можно услышать. И по аналогии – женеvцы, Кальвину противостоявшие, тоже не были поголовно ксенофобами, они приветствовали свободу выражения и определенный либерализм, но проявляли большую осторожность. Не стоит забывать, что и сам Кальвин был иностранцем.

Вот именно - приехал иностранец, запретил яркие цвета, танцы, вообще веселье, заставил женщин носить глухие платья в серо-черных тонах, да еще ввел обязательные низкие квадратные каблуки! Кому же понравится такое издевательство?

Не стоит забывать, что подобные предписания в реформированных городах уже существовали, просто при Кальвине требования ужесточились. Я понимаю Ваш вопрос и изумлению. Но вот так получилось – решили сконцентрироваться на вере.

Какова доля фактов и вымысла в Вашей книге? Можете ли Вы привести несколько примеров и того, и другого?

Один пример я привожу в послесловии. Во время эпидемии чумы в Женеве шел большой криминальный процесс, потому что некоторые жители ради собственного обогащения распространяли вирус, смазывая особым кремом дверные ручки. Я использовал этот факт, развив его с помощью вымысла – возложив ответственность на католиков. Мне показалось это интересным, так как доподлинно известно, что католики тогда хотели физически уничтожить протестантов, а значит, могли использовать чуму как оружие массового поражения.

Как Вы помните, в 1602 году на Женеву напали савойские солдаты, у которых было четкое задание – уничтожить всех жителей Женевы мужского пола, включая младенцев. Если бы им это удалось, кто знает, что вообще стало бы с Женевой?

Каждый читатель воспримет роман «со своей колокольни», с точки зрения своего опыта, своей культуры. Мне история с Мишелем Серветом и обвинение его в отравлении сразу напомнили советское «дело о врачах». Все ли тираны похожи? Все ли, даже будучи относительно нормальными людьми в начале карьеры, со временем превращаются в монстров? Все ли боятся заговоров? Все ли идут по трупам?

Мне кажется, все приходят к одинаковому финалу, так как со временем оказываются все в большей изоляции. И именно из-за страха, который они сами сеют и жертвами которого становятся.

Поговорим о финале Вашего романа. Пережив с Вашим героем все перипетии, как Вы думаете, о чем думал Кальвин в конце?

На этот вопрос трудно ответить. Но он ушел, оставив после себя значительные политические, теологические и литературные произведения, целый новый мир. Моя книга еще и о том, какие жертвы принес он сам для осуществления своих целей.

Были ли эти жертвы оправданы - с Вашей точки зрения жителя 21 века?

С моей точки зрения, да, потому что протестантская культура очень много дала миру. Можно сказать, например, что современный роман – следствие протестантизма, столько в нем

внутренних монологов и самоанализа. Думаю, в конце романа – и жизни – он уходит с сознанием того, как дорого обошлась многим его утерянным друзьям его дружба. Но последние его слова: «Я вернусь!»

От редакции: Николя Бюри родился в 1965 году в Женеве, его мать – иранка, отец – швейцарец. Специалист в области связей с общественностью, рекламы и дизайна, с 2000 года он работает как редактор-разработчик идей в женевском агентстве BLVDR. Автор сценариев для кино- и телефильмов («Подарок жизни», «Конец века»), театральной пьесы («Хозяин минут»), в 2008 году она написал свой первый роман. «Камень соблазна» (издательство «Текст», перевод Елены Морозовой) будет представлен сегодня на 16-й Международной ярмарке интеллектуальной литературы в Москве при поддержке фонда Про Гельвеция.

Добавить комментарий

Пожалуйста, [войдите](#) или [зарегистрируйтесь](#) , чтобы отправить комментарий
